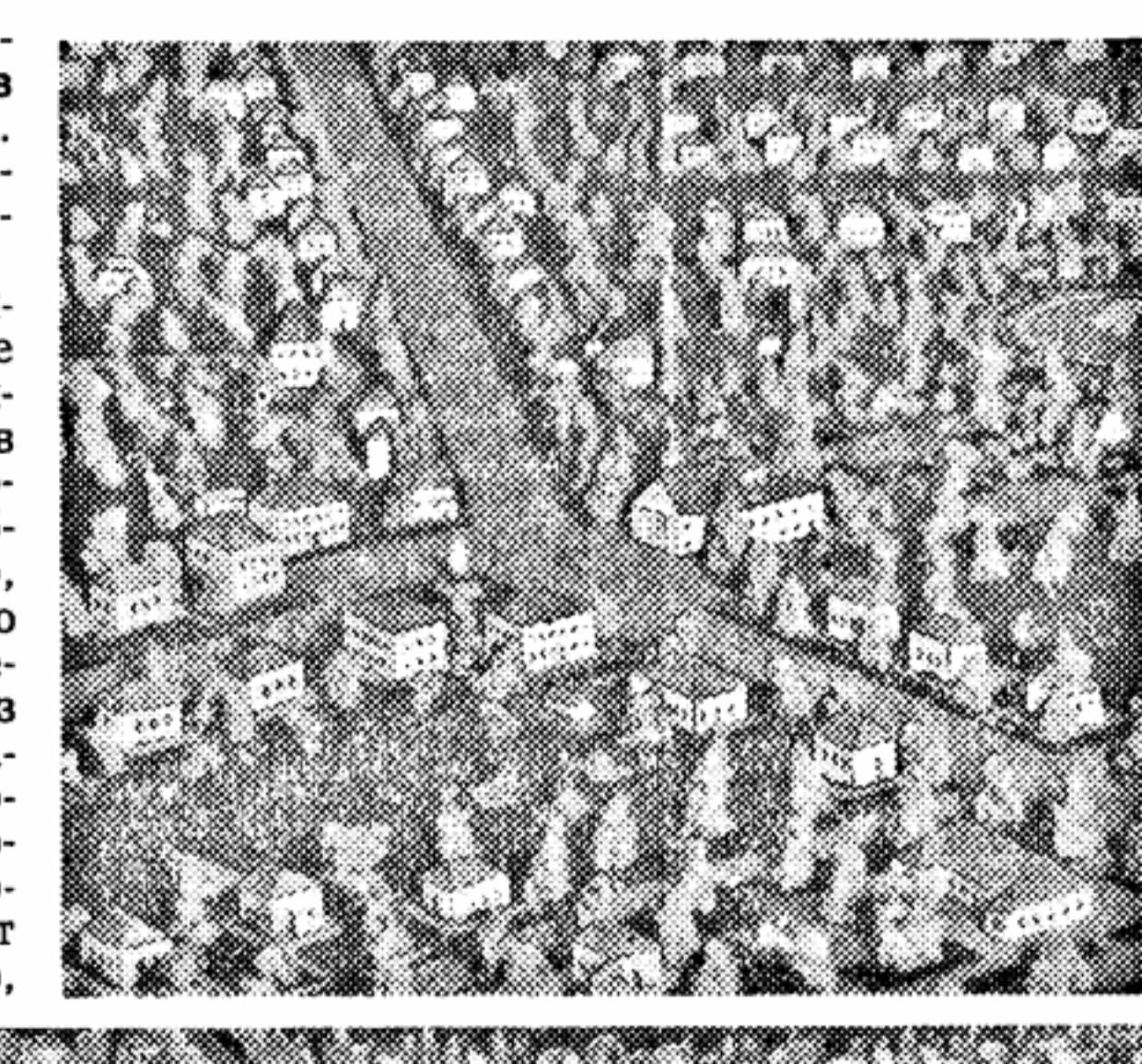

ТАКОЙ БУДЕТ ДЕРЕВНЯ ГРУСКОВО

Этот благоустроенный колхозный поселок будет построен в Несвижском районе Белоруссии. Сюда переселятся четыреста семейств хуторян, входящих в колхоз имени Калинина.

Мысли о таком, городского типа, поселке возникли, когда еще в начале зимы обсуждался пятилетний план колхоза. Подсчитав доход, — а он составил в прошлом году восемь миллионов рублей, — общее собрание решило, что наступила пора подумать и о благоустройстве быта хуторян. Дело в том, что в этом колхозе из каждых десяти дворов девять находятся на хуторах. Чтобы попасть на работу, иным надо потерять часа два времени. А каково тем, кто после работы хочет зайти в клуб послушать лекцию, посмотреть кинофильм? Живущие на хуторах и не мечтают об электричестве и радио: слишком дорого тянуть к одному дому линию в 3—5 километров. Под дорогами и стежками, петляющими от хутора к хутору, занято окно-ло-стаки гектаров земли. Много хлопот доставляют хутора и механизаторам: «Одно фигурное катание, а не работа», — жалуются они.

Обсудив все «за» и «против», общее собрание колхозников решило строить в деревне Грусково центральную усадьбу. В первые же дни поступило более ста заявлений с просьбой о переселении. Правление, чтобы помочь новоселам, выделило 1 200 тысяч рублей, предложив их в виде ссуды сроком на пять-семь лет. Впрочем, желающих получить ссуду не так уж много: каждая третья семья в прошлом году заработала по 25—30 тысяч рублей, у многих поднакопились средства и за предыдущие годы. Больше просят помочь транспортом, рабочей силой, консультацией. Как расширить, например, перевезенный старый дом, как его благоустроить, поднять потолки, увеличить проемы окон?

Создана строительная бригада из семейцев человек и комиссии содействия, которая составляет сметы, организует строительные работы, контролирует использование кредита.

Как же будет выглядеть новое село? На этот вопрос ответили нам главный инженер проекта А. Бурцев.

Деревня Грусково, в которой сейчас сорок пять дворов, примет четыреста новых семейств, — сообщили он, — и превратится в благоустроенный колхозный поселок, не уступающий некоторым районным центрам, поселкам городского типа. Его центральная площадь появится здания правления колхоза, дома сельскохозяйственной культуры с выставочными помещениями, два двухэтажных четырехквартирных жилых дома. Тут же будет находиться комбинат бытового обслуживания. По главной, обаженной липами улице разместятся школа, детский сад, ясли, родильный дом, магазин, баня. Ограждено место и для стадиона. По обеим сторонам широких, ровных улиц встанут жилые дома, при-

каждом — плодовый сад. Квартальная застройка позволит с меньшими капитальными затратами осуществить водоснабжение и электрификацию. Более половины домов проектируем из кирпича, шлакобетона, остальные — деревянные.

А. Бурцев рассказывает, какое большое внимание было обращено на архитектуру жилых домов. Колхозники предложили на выбор двенадцать типовых проектов: дома в один, две и три комнаты, конечно, с кухней, подсобными помещениями.

— Какие из этих проектов наиболее понравились? — спросил ваш корреспондент.

— Трехкомнатные с мансардой, из симметрическими и коммиссии содействия, которая составляет сметы, организует строительные работы, контролирует использование кредита.

Сейчас шестнадцать колхозных грузовиков начали везти с ближайших железнодорожных станций шлак и цемент. Сойдет снег, и дружно заступят топоры. В этом году будут готовы первые 150—180 домов.

Поселок Грусково — не единственная колхозная станица такого рода. «Белセルпроект» готовит сейчас еще сорок проектов, а затем все поступают и поступают. Повидимому, придется включить в это дело и другие проектные организации республики.

В. ЮРЕВИЧ,
корреспондент «Литературной газеты»

И, наконец, последняя поэма — по многим признакам самая совершенная из этих четырех произведений. Поэма «В поисках ключа» Константина Мурзиды — о геологах-разведчиках, о женской любви, о романтической профессии, которая сама по себе живет рядом с поэзией.

Поэма диктовала вдохновение, удачна и внешняя изобразительность стиха, его жизнепись — вплоть до того, что нечастая, редкая rhyme помогает лепке образа. У меня только одно возражение поэту. Почему мышцант в этом вагоне именуется «музейным»? Разве мы не знаем, что мышца далеко еще не стала музейным экспонатом? Уж один этот эпитет выдает безобразность неба, которое видят над собой Н. Куптума.

И, наконец, последняя поэма — по многим признакам самая совершенная из этих четырех произведений. Поэма «В поисках ключа» Константина Мурзиды — о геологах-разведчиках, о женской любви, о романтической профессии, которая сама по себе живет рядом с поэзией.

Просторечие действительно распространено в нашей жизни. Но зачем же это, очень дурное в жизни, тащить в литературу и в поэзию? Поэту не пристало писаться в хвосте у просторечия, потому что он должен выражать чувства богатые, сильные, горячие, иначе он не поэт.

Есть у Ю. Трифонова в поэме также строки, звучащие как нечто затверженное из технического учебника. Но вот я хочу продемонстрировать один короткий отрывок, где в технологии забрезжила настоящая поэзия:

Вот дальний гребень еле-еле
Блеснул и вспыхнул — и смотри:
Стальные волны зашептали,
Как в свете утренней зари,
Неся бруск. В пути обласкан
Металл под будко-мостом,
Сжигая розовые краски,
Поднялся солнце. И потом
Пошел к краю. Горяч, как пламя,
Огонь разбрызгиваю вьюк,
Исчез под гулкими волами.
В дыму пронзая их насквозь.
И от Смирнова жаркий, светлый,
Сколыну, сверкая, к Фоминам.
Тот принял, словно эстафету,
И вновь зажег в валах тугих,
И отстал бруск обратно,
Беря другой. Пустил в раскат!
Одновременно два бруска
Навстречу движутся друг другу.
Беря стремительно подъем,—
И, как прогнутые руки,
Сошли в пожатье огнем.

Деньги в кассе есть и будут, но занятость колхозников в зимние месяцы оказалась незначительной. За январь и февраль выбрано всего десять тысяч трудодней, за март — семь тысяч.

Теперь есть возможность расширять фермы, парниковое и тепличное хозяйство.

Собранные перегреваются. Не следует думать, что люди уж так занятысь в деньгах. За зимние трудодни по старым правилам платили в самом конце года. А теперь — каждый месяц.

В бригадах идет промтест спиксом «блолетентчиков», как называют любителей увидеть от работы. Первым пришел Василий Зотов. Целый год у него что-то сосало под ложечкой. Теперь, от лично поработав, он поставил на бригадном сочинении такой вопрос:

— А не отобрать ли присадебные участки у «блолетентчиков»?

Как только это предложение было высказано, 79

«блолетентчиков» объявили себя выездовщиками, вышли на работу...

— Нашему брату за доярками не уйтись. У меня всего 69 трудодней.

Колхозница Татьяна Петрова получает 296 рублей, доярка Надежда Васильева — 686 рублей. Она сообщает:

— Там, бухгалтерии, готовы ведомости за март, скоро выдадут. У меня четверть рублей.

На первые сорок суток в деревне Грусково, в которой сейчас сорок пять дворов, примет четыреста новых семейств, — сообщили он, — и превратится в благоустроенный колхозный поселок, не уступающий некоторым районным центрам, поселкам городского типа. Его центральная площадь появится здания правления колхоза, дома сельскохозяйственной культуры с выставочными помещениями, два двухэтажных четырехквартирных жилых дома. Тут же будет находиться комбинат бытового обслуживания. По главной, обаженной липами улице разместятся школа, детский сад, ясли, родильный дом, магазин, баня. Ограждено место и для стадиона. По обеим сторонам широких, ровных улиц встанут жилые дома, при-

каждом — плодовый сад. Квартальная застройка позволит с меньшими капитальными затратами осуществить водоснабжение и электрификацию. Более половины домов проектируем из кирпича, шлакобетона, остальные — деревянные.

А. Бурцев рассказывает, какое большое внимание было обращено на архитектуру жилых домов. Колхозники предложили на выбор двенадцать типовых проектов: дома в один, две и три комнаты, конечно, с кухней, подсобными помещениями.

— Какие из этих проектов наиболее понравились? — спросил ваш корреспондент.

— Трехкомнатные с мансардой, из симметрическими и коммиссии содействия, которая составляет сметы, организует строительные работы, контролирует использование кредита.

Сейчас шестнадцать колхозных грузовиков начали везти с ближайших железнодорожных станций шлак и цемент. Сойдет снег, и дружно заступят топоры. В этом году будут готовы первые 150—180 домов.

Повидимому, придется включить в это дело и другие проектные организации республики.

В. ЮРЕВИЧ,
корреспондент «Литературной газеты»

И, наконец, последняя поэма — по многим признакам самая совершенная из этих четырех произведений. Поэма «В поисках ключа» Константина Мурзиды — о геологах-разведчиках, о женской любви, о романтической профессии, которая сама по себе живет рядом с поэзией.

Просторечие действительно распространено в нашей жизни. Но зачем же это, очень дурное в жизни, тащить в литературу и в поэзию? Поэту не пристало писаться в хвосте у просторечия, потому что он должен выражать чувства богатые, сильные, горячие, иначе он не поэт.

Есть у Ю. Трифонова в поэме также строки, звучащие как нечто затверженное из технического учебника. Но вот я хочу продемонстрировать один короткий отрывок, где в технологии забрезжила настоящая поэзия:

Вот дальний гребень еле-еле
Блеснул и вспыхнул — и смотри:
Стальные волны зашептали,
Как в свете утренней зари,
Неся бруск. В пути обласкан
Металл под будко-мостом,
Сжигая розовые краски,
Поднялся солнце. И потом
Пошел к краю. Горяч, как пламя,
Огонь разбрызгиваю вьюк,
Исчез под гулкими волами.
В дыму пронзая их насквозь.
И от Смирнова жаркий, светлый,
Сколыну, сверкая, к Фоминам.
Тот принял, словно эстафету,
И вновь зажег в валах тугих,
И отстал бруск обратно,
Беря другой. Пустил в раскат!
Одновременно два бруска
Навстречу движутся друг другу.
Беря стремительно подъем,—
И, как прогнутые руки,
Сошли в пожатье огнем.

Деньги в кассе есть и будут, но занятость колхозников в зимние месяцы оказалась незначительной. За январь и февраль выбрано всего десять тысяч трудодней, за март — семь тысяч.

Теперь есть возможность расширять фермы, парниковое и тепличное хозяйство.

Собранные перегреваются. Не следует думать, что люди уж так занятысь в деньгах. За зимние трудодни по старым правилам платили в самом конце года. А теперь — каждый месяц.

В. ЮРЕВИЧ,
корреспондент «Литературной газеты»

И, наконец, последняя поэма — по многим признакам самая совершенная из этих четырех произведений. Поэма «В поисках ключа» Константина Мурзиды — о геологах-разведчиках, о женской любви, о романтической профессии, которая сама по себе живет рядом с поэзией.

Просторечие действительно распространено в нашей жизни. Но зачем же это, очень дурное в жизни, тащить в литературу и в поэзию? Поэту не пристало писаться в хвосте у просторечия, потому что он должен выражать чувства богатые, сильные, горячие, иначе он не поэт.

Есть у Ю. Трифонова в поэме также строки, звучащие как нечто затверженное из технического учебника. Но вот я хочу продемонстрировать один короткий отрывок, где в технологии забрезжила настоящая поэзия:

Вот дальний гребень еле-еле
Блеснул и вспыхнул — и смотри:
Стальные волны зашептали,
Как в свете утренней зари,
Неся бруск. В пути обласкан
Металл под будко-мостом,
Сжигая розовые краски,
Поднялся солнце. И потом
Пошел к краю. Горяч, как пламя,
Огонь разбрызгиваю вьюк,
Исчез под гулкими волами.
В дыму пронзая их насквозь.
И от Смирнова жаркий, светлый,
Сколыну, сверкая, к Фоминам.
Тот принял, словно эстафету,
И вновь зажег в валах тугих,
И отстал бруск обратно,
Беря другой. Пустил в раскат!
Одновременно два бруска
Навстречу движутся друг другу.
Беря стремительно подъем,—
И, как прогнутые руки,
Сошли в пожатье огнем.

Деньги в кассе есть и будут, но занятость колхозников в зимние месяцы оказалась незначительной. За январь и февраль выбрано всего десять тысяч трудодней, за март — семь тысяч.

Теперь есть возможность расширять фермы, парниковое и тепличное хозяйство.

Собранные перегреваются. Не следует думать, что люди уж так занятысь в деньгах. За зимние трудодни по старым правилам платили в самом конце года. А теперь — каждый месяц.

В. ЮРЕВИЧ,
корреспондент «Литературной газеты»

И, наконец, последняя поэма — по многим признакам самая совершенная из этих четырех произведений. Поэма «В поисках ключа» Константина Мурзиды — о геологах-разведчиках, о женской любви, о романтической профессии, которая сама по себе живет рядом с поэзией.

Просторечие действительно распространено в нашей жизни. Но зачем же это, очень дурное в жизни, тащить в литературу и в поэзию? Поэту не пристало писаться в хвосте у просторечия, потому что он должен выражать чувства богатые, сильные, горячие, иначе он не поэт.

Есть у Ю. Трифонова в поэме также строки, звучащие как нечто затверженное из технического учебника. Но вот я хочу продемонстрировать один короткий отрывок, где в технологии забрезжила настоящая поэзия:

Вот дальний гребень еле-еле
Блеснул и вспыхнул — и смотри:
Стальные волны зашептали,
Как в свете утренней зари,
Неся бруск. В пути обласкан
Металл под будко-мостом,
Сжигая розовые краски,
Поднялся солнце. И потом
Пошел к краю. Горяч, как пламя,
Огонь разбрызгиваю вьюк,
Исчез под гулкими волами.
В дыму пронзая их насквозь.
И от Смирнова жаркий, светлый,
Сколыну, сверкая, к Фоминам.
Тот принял, словно эстафету,
И вновь зажег в валах тугих,
И отстал бруск обратно,
Беря другой. Пустил в раскат!
Одновременно два бруска
Навстречу движутся друг другу.
Беря стремительно подъем,—
И, как прогнутые руки,
Сошли в пожатье огнем.

Деньги в кассе есть и будут, но занятость колхозников в зимние месяцы оказалась незначительной. За январь и февраль выбрано всего десять тысяч трудодней, за март — семь тысяч.

Теперь есть возможность расширять фермы, парниковое и тепличное хозяйство.

Собранные перегреваются. Не следует думать, что люди уж так занятысь в деньгах. За зимние трудодни по старым правилам платили в самом конце года. А теперь — каждый месяц.

В. ЮРЕВИЧ,
корреспондент «Литературной газеты»

И, наконец, последняя поэма — по многим признакам самая совершенная из этих четырех произведений. Поэма «В поисках ключа» Константина Мурзиды — о геологах-разведчиках, о женской любви, о романтической профессии, которая сама по себе живет рядом с поэзией.

Просторечие действительно распространено в нашей жизни. Но зачем же это, очень дурное в жизни, тащить в литературу и в поэзию? Поэту не пристало писаться в хвосте у просторечия, потому что он должен выражать чувства богатые, сильные, горячие, иначе он не поэт.

Есть у Ю. Трифонова в поэме также строки, звучащие как нечто затвержен

СУДЬБЫ ТРУЖЕНИКОВ

Торемный смотритель с мрачной, всегда сонной физиономией принимал передачи для заключенных.

— Опять в стоя левяности третью, — ворчал смотритель, забирая у посетительницы толстые связки книг. — Опять туда! Женщина, кинув угрюмому стражу, вышла из тюрьмы на Шпалерную улицу, а смотритель понес по гулким коридорам ящики. У камеры № 193 он остановился.

Дежурный отворил дверь. В глубине узкой полутемной камеры сидел, согнувшись над столиком и накинув на плечи плащ, молодой бородатый, большеголовый человек. Засыпав скрип двери, он вскочил и, поблескивая проницательными глазами, устремился к порогу камеры.

Смотритель внес книги. Дверь камеры затворилась, и заключенный сразу же склонился над книгами.

И на этот раз сестра принесла в Дом предварительного заключения для помощника присяженного поверенного Владимира Ильи Ульянова именно то, что ему отчел и очень нужно: «Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России». Сестра достала из библиотеки Вольного экономического общества. Особенно интересны были описания кустарной промышленности пяти губерний — от северной Новгородской до южной Херсонской...

Цура глаза, заключенный в камере № 193 листал «Труды», быстро набрасывал несколько строк, опять читал.

Отправившись от книги, Владимир Ильич записал: «Крестьяне находятся в «звениной кабале» у леспромышленников». Записал и, оперев голову на ладонь, залумился о судьбе двух миллионов крестьян Европейской России — кабальных лесных рабочих... В конце концов, когти истории хорошо роет: капиталисты в России уже существуют и развиваются, а вместе с этим увеличиваются массы пролетариев, могильщиков капитализма!»

Хоть и грешно, а все же Иван Шилкин порою очень завидовал Дмитрию Киселеву. Привалит же, ей-богу, счастье человека! Был Митька такой же беладора, как и он. Шилкин Иван. Лес рубил, гонял хозяйствене барки с бревнами по рекам вплоть до самого Питера. С хлеба на волу перебивался, мясом лакомился лишь на праздник. И вся-то же меж ними разница была, что Иван происходил из деревеньки Жихарево, Новгородской губернии, а Митька — из деревеньки Базовое, той же губернии, того же Крестецкого уезда...

Крестецкий Иван Иванов Шилкин прочно снарядился в дорогу: навостренное лезвие топора окаймил деревянику, двуручную пилу обернула мешковиной прихватил еды. И помедлил Шилкин знакомой стежкой, пошел из своего Жихарева в митько Базовое.

Привалит же, ей-богу, человеку счастье!

Как-то ненароком прыгнулся Дмитрий Киселев некой вдовий книжки. Красавец и силая, прыгнулся он ей по вкусу. Отказала книжка бурлаку-лесорубу огромную лесную дачу. Вот теперь и сходилась к нему, богатому, деревенской голубятне из Жихарева. Дубровки. Недуты...

Поначалу надеялись, что Киселев-де на шенский, «музки» — он и есть мужик, свой Киселев не обнит. На поверхность вышло иное. «Нашенский» прыгнулся гнуть еще круче, похлеще самого купца Мосягина или промышленника Кузнецова.

Иван Шилкин пришел в Базовое. Появлялся, но торгуясь, ибо знал, что и спорить нечего, снял с лезвия топора деревянику, снял с пилы мешковину.

Лес рубили верстах в пяти от реки Монши, лошадки тащили бревна к берегу. В мае падали мухи барчи, груши их бревнами и пускались вплавь по рекам и каналам до самого Питера.

Из года в год ходил Иван Шилкин этим знакомым водным путем. Ходил и в тот 1896 год, когда в питерской тюрьме Владимир Илья Ульянов готовил материалы для большой книги. Ходил и три года спустя, когда этот труд «Развитие капитализма в России» появился в Петербурге. Была в нем речь и о мужиках, подобных Шилкину.

Автор, сославшийся в Сибирь и укры-

шийся под псевдонимом Владимир Ильин, писал:

«Лесные работы принадлежат к наиболее дурно оплачиваемым; гигиенические условия их отвратительны, и здоровье рабочих подвергается сильнейшему разрушению; положение рабочих, заброшенных в лесную глушь, наиболее беззащитное...

Итак, — писал он далее, — лесные рабочие представляют из себя одну из крупных составных частей сельского пролетариата, имеющего ничтожные клочки земли и вынужденного продавать свою рабочую силу на самых невыгодных условиях...

Леспромышленность оставляет почти в полной неприкосновенности весь старый, патриархальный строй жизни, опутывая заброшенных в лесной глушине рабочих кадров, а стало быть, не было и заинтересованности рабочего человека в делах предприятия.

Мы вышли из которки. Платформы, груженные хлыстами с неуборенными кронами, подходили к площадке склада.

— Техники, конечно, у нас не мало, — говорил Михаил Иванович. — Только ведь, думают, и другие леспромхозы не меньше идет. А дело складывается по-разному. Секрет простой — мы шестой год не с сезонниками работаем, а с кадровиками. Вот глядите. Живет народ, собственные дома посудам и на обременение ставит. Барах у нас манит никого. Детишки работают, значит, народ корни пускает. Хозяйством обзаводится.

— Гномы малы, и добавил:

— Золотые кадры, доложу вам.

Теперь Михаил Иванович пятьдесят лет. В эти долгие архипелагские дни он чувствует себя хворым. Привыкнул, говорит, грим, ломит кости. Однако, по мере того как завязывалась наша беседа, его голубые глубоко сидящие глаза оживляются. Он трет копченую пищу, достает папироску и забывает ее раскурить.

Мы сидим в маленьком канторке. Она притягивает на нижнем складе, на открытой площадке которого и днем и ночью разделяются дровесину, вывезенную из окрестных лесов.

— Да, конечно, техники у нас немало, — говорит мой собеседник. — И все же, доложу вам, не в ней одной дело. А ежели рассказать еще, что она, эта самая техника, в наше время стала как музыкодоруб ее, точно черт ладана, чурается, — ведь смех получится...

Михаил Иванович Шилкин давно привык душою к этим местам. Дважды он рассказывал с ними: когда молодым служил в Красной Армии и когда — уже отцом семейства — воевал в Отечественную войну. И дважды возвращался на родину, демобилизовался из Красной Армии и пошел на ладожские леса.

Репин вступил в ленинскую партию в июньские дни семнадцатого года солдатом-фронтовиком. Корсаков, рабочий-железнодорожник, знал комсомольскую юность, опален отгнем Отечественной войны; здесь, в крестильных болотных лесах, он строил железную дорогу, по которой бегут платформы с лесом.

Корсаков достал из стола зеленоватые листики. На одном из них — голубиной краской — выполнено пятой пятилетки. Проценты всех пяти минувших годов превышают сотню. На другом листке перечислены механизмы, основные и внедренные за пятилетие.

— Это, конечно, наше счастье, что и люди у нас отличные, и машины есть, и труд лесной по-настоящему индустриальный стал. Только вот на чём наши коммунистыются, — говорит Корсаков.

Понимаете, сезонники, ставшие постоянными рабочими, — это же самый молодой отряд нашего рабочего класса. И многие недостатки от этой молодости происходят...

Мы справедливо представляем не менее важным, чем выполнение плана, воспитание у людей чувства коллектива. Он гордится на терпеливую воспитательную работе, о полном искреннем выявление сектантовых зававок, зачастую отражающихся на трудовой дисциплине.

— Настоящий рабочий колlettiv, — заметил Корсаков, — такой, как у нас в лесу, был, но не создал только собраниями, словесной «накачкой». Нас, коммунистов, или раскрайников, как Борисов, или грузчиков, как Коротков, или лебедчиков, как Панов. Они совсем не легки, эти лесные бури, будто открытым небом, в снегах, и тоненько, нетерпеливо посыпаются паро-воки. В шесть тридцать он неожиданно громко сигнализ отправление.

Вместе с лыжами в телогрейках и ватных штанах, заправленных в сапоги, мы уезжаем на «персидский край» леспромхоза — в лес, на участки.

Он отнюдь не легок, этот новый день, день новалящиков, таких, как Борисов,

или раскрайников, как Коротков, или грузчиков, как Панов. Они совсем не легки, эти лесные бури, будто открытым небом, в снегах, и тоненько, нетерпеливо посыпаются паро-воки. В шесть тридцать он неожиданно громко сигнализ от отправление.

— Это, конечно, наше счастье, что и люди у нас отличные, и машины есть, и труд лесной по-настоящему индустриальный стал. Только вот на чём наши коммунистыются, — говорит Корсаков.

Понимаете, сезонники, ставшие постоянными рабочими, — это же самый молодой отряд нашего рабочего класса. И многие недостатки от этой молодости происходят...

Мы справедливо представляем не менее важным, чем выполнение плана, воспитание у людей чувства коллектива. Он гордится на терпеливую воспитательную работе, о полном искреннем выявление сектантовых зававок, зачастую отражающихся на трудовой дисциплине.

— Настоящий рабочий колlettiv, — заметил Корсаков, — такой, как у нас в лесу, был, но не создал только собраниями, словесной «накачкой». Нас, коммунистов, или раскрайников, как Борисов, или грузчиков, как Коротков, или лебедчиков, как Панов. Они совсем не легки, эти лесные бури, будто открытым небом, в снегах, и тоненько, нетерпеливо посыпаются паро-воки. В шесть тридцать он неожиданно громко сигнализ от отправление.

— Это, конечно, наше счастье, что и люди у нас отличные, и машины есть, и труд лесной по-настоящему индустриальный стал. Только вот на чём наши коммунистыются, — говорит Корсаков.

Понимаете, сезонники, ставшие постоянными рабочими, — это же самый молодой отряд нашего рабочего класса. И многие недостатки от этой молодости происходят...

Мы справедливо представляем не менее важным, чем выполнение плана, воспитание у людей чувства коллектива. Он гордится на терпеливую воспитательную работе, о полном искреннем выявление сектантовых зававок, зачастую отражающихся на трудовой дисциплине.

— Настоящий рабочий колlettiv, — заметил Корсаков, — такой, как у нас в лесу, был, но не создал только собраниями, словесной «накачкой». Нас, коммунистов, или раскрайников, как Борисов, или грузчиков, как Коротков, или лебедчиков, как Панов. Они совсем не легки, эти лесные бури, будто открытым небом, в снегах, и тоненько, нетерпеливо посыпаются паро-воки. В шесть тридцать он неожиданно громко сигнализ от отправление.

— Это, конечно, наше счастье, что и люди у нас отличные, и машины есть, и труд лесной по-настоящему индустриальный стал. Только вот на чём наши коммунистыются, — говорит Корсаков.

Понимаете, сезонники, ставшие постоянными рабочими, — это же самый молодой отряд нашего рабочего класса. И многие недостатки от этой молодости происходят...

Мы справедливо представляем не менее важным, чем выполнение плана, воспитание у людей чувства коллектива. Он гордится на терпеливую воспитательную работу, о полном искреннем выявление сектантовых зававок, зачастую отражающихся на трудовой дисциплине.

— Настоящий рабочий колlettiv, — заметил Корсаков, — такой, как у нас в лесу, был, но не создал только собраниями, словесной «накачкой». Нас, коммунистов, или раскрайников, как Борисов, или грузчиков, как Коротков, или лебедчиков, как Панов. Они совсем не легки, эти лесные бури, будто открытым небом, в снегах, и тоненько, нетерпеливо посыпаются паро-воки. В шесть тридцать он неожиданно громко сигнализ от отправление.

— Это, конечно, наше счастье, что и люди у нас отличные, и машины есть, и труд лесной по-настоящему индустриальный стал. Только вот на чём наши коммунистыются, — говорит Корсаков.

Понимаете, сезонники, ставшие постоянными рабочими, — это же самый молодой отряд нашего рабочего класса. И многие недостатки от этой молодости происходят...

Мы справедливо представляем не менее важным, чем выполнение плана, воспитание у людей чувства коллектива. Он гордится на терпеливую воспитательную работу, о полном искреннем выявление сектантовых зававок, зачастую отражающихся на трудовой дисциплине.

— Настоящий рабочий колlettiv, — заметил Корсаков, — такой, как у нас в лесу, был, но не создал только собраниями, словесной «накачкой». Нас, коммунистов, или раскрайников, как Борисов, или грузчиков, как Коротков, или лебедчиков, как Панов. Они совсем не легки, эти лесные бури, будто открытым небом, в снегах, и тоненько, нетерпеливо посыпаются паро-воки. В шесть тридцать он неожиданно громко сигнализ от отправление.

— Это, конечно, наше счастье, что и люди у нас отличные, и машины есть, и труд лесной по-настоящему индустриальный стал. Только вот на чём наши коммунистыются, — говорит Корсаков.

Понимаете, сезонники, ставшие постоянными рабочими, — это же самый молодой отряд нашего рабочего класса. И многие недостатки от этой молодости происходят...

Хочется сказать о своих актерских ощущениях в работе над драматургическими образами. Остановлюсь для этого на трех последних пьесах, в которых участвовал на сцене Ленинградского театра имени А. С. Пушкина.

В пьесе Г. Николаевой и С. Радзинского «Высокая волна» по роману «Жатва» я играл роль секретаря райкома Чеканова.

В нем все удивительно правильно, но

здесь есть одна деталь, которую я

хотел бы отметить.

В пьесе А. Борисова и С. Радзинского

«Высокая волна» по роману «Жатва» я играл роль секретаря райкома Чеканова.

В нем все удивительно правильно, но

здесь есть одна деталь, которую я

хотел бы отметить.

В пьесе А. Борисова и С. Радзинского

«Высокая волна» по роману «Жатва» я играл роль секретаря райкома Чеканова.

В нем все удивительно правильно, но

здесь есть одна деталь, которую я

хотел бы отметить.

В пьесе А. Борисова и С. Радзинского

«Высокая волна» по роману «Жатва» я играл роль секретаря райкома Чеканова.

В нем все удивительно правильно, но

здесь есть одна деталь, которую я

хотел бы отметить.

В пьесе А. Борисова и С. Радзинского

«Высокая волна» по роману «Жатва» я играл роль секретаря райкома Чеканова.

В нем все удивительно правильно, но

здесь есть одна деталь, которую я

хотел бы отметить.

В пьесе А. Борисова и С. Радзинского

«Высокая волна» по роману «Ж

ЗАМЫСЕЛ И СЮЖЕТ

И. Касумов и Г. Сендейли — талантливый и своеобразный писательский дуэт. Совместная работа уже принесла им немало литературных удач. Поэтому к их новому роману «Годы проходят» хочется подойти с особой взыскательностью.

В новом произведении И. Касумова и Г. Сендейли проявляются те же черты их дарования, те же излюбленные приемы, что и прежде. Это — пристрастие к острым сюжетным столкновениям, которые без дылых слов выясняют и позицию героев и отношение к ним автора; это — уменье «кинематографически» четко разывать действие.

Быстро развертывается в романе интрига вокруг заговора шпионов на бакинских нефтепромыслах тридцатых годов и без промедления, без нехитрой игры на нервах читателей, — а вдруг у «наших» что-нибудь сворется, — этот заговор подавляют: растут, преодолеваясь, вновь возникают в жизни изобретателя Николая Боброва неурядицы и трудности; стремительно, как вспышка магии, вспыхивает в Марии, dochce старого мастера-нефтяника Мардана, юношеский, честный парень. И Мария любит так же смело, отчаянно — «сюжетно»: ни один ее поступок не повторяет предыдущего, напрягает в жизни изобретателя Николая Боброва неурядицы и трудности; стремительно, как вспышка магии, вспыхивает в

Биографические сведения о действующих лицах авторы дают как бы в ремарках, «между строк», не желая отвлекаться от изложения действия. Даже «внутренние монологи» построены в романе так, будто совсем разные герои, заыхающие в одинаковом темпе торопятся думать, переживать.

Честного американского инженера Лоусона уводят с работы: «Вспышка первоначально сменилась в нем туписью, безнадежным унынием. Кому и что он будет доказывать? Может ли он изменить этот старый, но веселый рецепт: вали на стрелочку! Придется искать новое место службы. Проявляйте! И как на зло — беда никогда не приходит во-время — осталось еще целых три взноса уплатить за мебель, купленную в рассрочку: не учились — вылезут».

Переживания другого героя: «Неловко вытинаю ногу, Николай присел на низенькую скамечку, стоявшую возле софы. Поянке очене нравилась эта скамеечка: сидет на нее, обхватив коленки, замечается о чем-то. Вот лежит ее босыни, пахнущие фланками, в полуоткрыту двери гардероба видны ее платья, на софе лежат подушки, распластившись ею... Почему ему очень важно знать, что это началось, когда его не было? Чтобы найти ей хоть какое-то оправдание? Чем ее окружали, пустыни пыль в глаза, осенние, толкнули на скользкую стежку, пользуясь тем, что его нет? Или потому, что ему надо доказаться до самых корней, до первопричины этого факта, о котором он узнал от людей, которых и видел-то в первый раз? Хотя нет, секретарь он знал раньше. А собственно, какое это имеет значение? И какое имеет значение, когда все началось?»

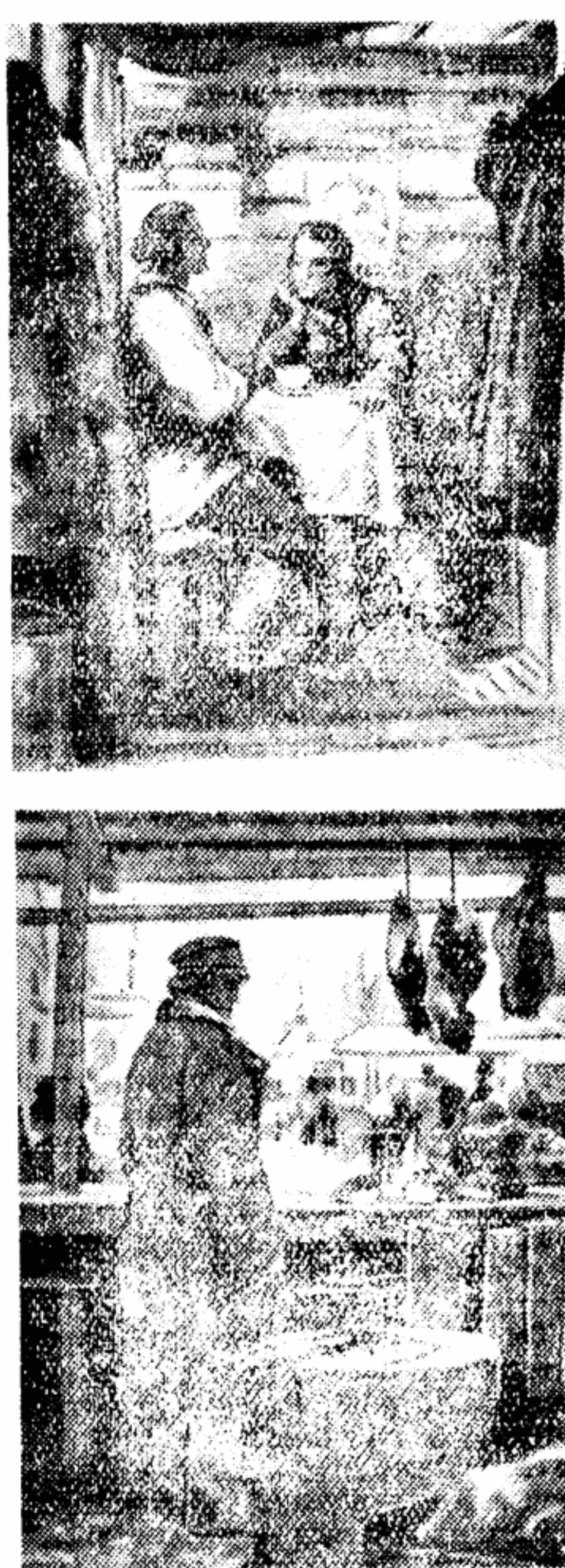
Характеристика И. Касумова и Г. Сендейли качества — быстрота, сжатость, речительность повествования — сами по себе качества ценные. Но все хорошо свое время и на своем месте. В данном же случае эти особенности романа чувствуют эстетической цельности, органичности, к сожалению, не вызывают. Попробуем разобраться, в чём тут дело. Конечно, роман не кончен, буда пойдут и с чем придут героя в финале, пока неизвестно, и было бы необоснованным категорически судить об идейно-художественном значении произведения. Однако об одном, уже оформленвшемся немаловажном недостатке хотели бы сказать сейчас.

Что такое может художественного произведения? Литераторы определяют его как систему событий, в которых и благодаря которым раскрываются, изменяются, развиваются характеры героев.

Сюжет романа «Годы проходят» — это только первая часть формулы — сплелись события. Хитроумная интрига вокруг шпионского заговора, злоключения Марии и Селима не столько раскрывают, сколько закрывают для нас героев; по мере чтения интерес все больше и больше переходит на самую «схему приключений». Кто действует — уже не так важно; любопытно, что происходит, чем все кончится, как вывернутся персонажи из затруднительных положений.

И. Касумов, Г. Сендейли. «Годы проходят». Книга первая. «Литературный Азербайджан», № 11, 12, 1955; № 1, 2, 1956.

Ю. СУРОВЦЕВ

Иллюстрации художника О. Коровина к роману В. Каприловой «Жизнь Колчкова». Книга выпущена издательством «Молодая гвардия».

34 НЕИЗВЕСТНЫЕ КНИГИ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Недавно вышел из печати ценный труд, в котором описаны 595 гражданских книг, изданных при Петре. Авторы «Описания изданий гражданской печати 1708—1725 г.г.» — главный библиотекарь Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина Т. Быков и главный библиотекарь библиотеки Академии наук ССР М. Гуревич-Бибари и впервые описали в этом труде 34 ранее неизвестные книги и 48 указов петровского времени.

Роман открывается своеобразным лирическим прологом. Мы знакомимся с девушки Зарифой, дочерью Марии и Селима, внучкой Мардана. Это уже наши или, это третье поколение героев романа. Авторы обращаются к ней и говорят: мы рассказали тебе, Зарифа, о прошедших годах, о войнах и сражениях, о твоих родных — участниках этих войн и сражений, «об всем, что ты знаешь плохо или не знаешь вовсе. Начнем мы издалека...»

«Годы проходят» — это замысел эпического разворота: сменяют друг друга поколения, растут и мужают в борьбе с врагом рабочие люди советского Баку, раскрываются перед Зарифой законы жизни, глубокие, непреходящие.

А вот «сюжет» — цепь самих по себе интересных, увлекательно придуманных событий, происходящих в первой книге романа, — не соответствует значительности замысла, кажется по сравнению с ним слишком легковесным и поспешным.

Это, пожалуй, и есть печальный в искусстве случай противоречия между формой и содержанием, противоречия, о которых мы так часто говорим, и говорим, сожалению, слишком умозрительно.

Ю. СУРОВЦЕВ

Как сбылись надежды

В Улан-Удэ на русском языке вышло новое, дополненное и переработанное издание романа «На утренней заре». Автор романа — Ходя Намсараев. Намсараев, старейший писатель Бурят-Монголии, основоположник бурят-монгольской советской литературы.

Роман задуман автором как эпопея. Перед читателем — интереснейший период истории, период двух войн и трех революций, показанный на материале жизни одног из отсталых уголков царской России — Бурят-Монголии.

Но Х. Намсараев не ограничивается рамками бурятского улуса. В полном соответствии с жизненной правдой писатель раскрывает связи, существовавшие между свободительным движением бурятского народа и революционной борьбой русского пролетариата. Следя за главным героем романа — Цыремпилом, читатель попадает в русскую деревню. В Чите в Нерчинске, знакомится с сельскими, пожарниками.

На решительный штурм самодержавия и капитализма, к новой жизни поднимаются народы России во главе с русским народом. В их рядах — и бурятский народ, который так долго был связан феодальными путями, забыт, угнетен. Цыремпил со своей возлюбленной Должил, их друзья Радна и Гамзай, старши Доржи и Боншою, молодые буряты.

Просто и убедительно показан путь от отдельных мелких актов протеста к большим делам и у других героев романа.

Писатель удалился образ Должил. Перед нами сильная натура, боевой, самостоятельный характер. Должил находит в себе силы бросить вызов богачам Бадмы. Цыремпил легко мог бы стать жертвой своих преследователей, если бы судьба не сказала его с русскими революционерами.

Просто и убедительно показан путь от отдельных мелких актов протеста к большим делам и у других героев романа.

Часто встречаются лосадные пебрежности при изображении бурятского быта. Переодевка для чего-то заставила Бадму сесть на шапку под столом. А ведь в вортах столов нет, а есть маленькие низенькие столики, под которыми трудно потерять шапку. Странно читать о широках и мундштуках. Монгольские всадники обходятся без этих принадлежностей.

Много есть неточностей и в примечаниях. «Хи-морин» — не просто матери с национальной молитвой, а подобие флагов. Не совсем точно утверждение, что «хадак» — «платок с изображениями богов». Чаша всего на хадаках нет никаких изображений.

Жаль, что «вольное» обращение переводчиков с авторским текстом уменьшает значение их работы, хотя они и сделали полезное дело, предоставив широкому кругу читателей возможность познакомиться с одним из значительных произведений бурят-монгольской советской литературы.

Г. МИХАИЛОВ

1. От прозы требуется, чтобы она была современна. Жизнь должна отражаться в ней верно, точно и глубоко. Нельзя дать положительную оценку книге, если, описывая нынешние события и современных людей, автор станет копировать манеру писателей прошлого века. Простое подражание даже таким мастерам прозы, как Тургенев или Гоголь, критика справедливо осудит. И действительно, трудно представить себе, чтобы наша жизнь описывалась в стиле «Дворянского гнезда» или «Утра посменника».

Так ли обстоит дело в поэзии?

Среди поэтических сборников, изданных в последние годы, появился, например, стихотворения и поэмы А. Чивилихина. Он рассказывает о взятии Красной Горки в дни Отечественной войны. Но для поэтического раскрытия этой волнующей темы А. Чивилихин использует изобразительные средства Пушкина, его образы, обороты речи, языка того времени.

Грозы фортов береговые, Гроны они, когда звучат Орудий речи роковые, Пороховой (?) клубится чад.

Больше того, поэма «Красная Горка», написанная четырехстопным ямбом, имеет абсолютно однообразную интонацию.

В поэзии стало порой все вещи замыкаться в классиках готовых форм. Такое подражание не только не осуждается, но даже находит своих «теоретиков».

— Мысли правильны? Правильные! Размер выдержан? Выдержан! Ну и пусть себе пишут! Всегда были поэты большие и маленькие — сказали нам в редакции одного толстого солидного журнала.

Но в поэзии, как и вообще в литературе и искусстве, не может быть разделения на поэтов больших и маленьких. Для всех должны быть одни требования и принципы. Без этого не может быть настоящей критики, не может быть науки.

Поэтическая техника заключается, конечно, не только в умении делать рифмы и ляжки подбирать их. Не менее важными качествами поэтики являются размер, ритм, интонация. Без них не может быть поэзии, они создают лицо автора, но и они же могут лишить его индивидуальности.

Вот характеристика интонации «Думы про Оланаса»:

Хороша, ясна дорога, День погожий мая. На дорогу к городам Вышла звеньевая. (И. Шемяков)

Стихотворение другого сборника напоминает блоковское «На железнодорожной».

Спросите — вам расскажут многое, Напомнят вам, как у призыва, Величественная и строгая, Над Волгой мельница стояла. (В. Урин)

А вот явное подражание К. Симонову, его поэме «Первая любовь»:

Сегодня утром ты мне позвонила, Твой голос привел ко мне в Москву: — Ну, как живешь, что делаешь? — спросила. И я сорвал, что хорошо живу.

Другие стихотворения напоминают по своему звучанию произведения Лермонтова, Некрасова, Маяковского, Твардовского, Светлова, Маршака. Без замысловатости не обходится почти ни один сборник. Ни видимая актуальность темы, ни осовремененный язык, ни новые понятия не могут замаскировать замыкательные интонации. Со страниц поэтических сборников, заключенных в голубоватые, зеленоватые, розоватые переплеты, довольно часто звучат удивительно знакомые мотивы.

Для некоторых тем установленся даже определенный штамп. Если поэт вспоминает военные годы, то слышится «Песнь о вещем Олеге». Впрочем, эту же интонацию Я. Вахмидев использовал в стихотворении о старике-слесарике:

Недаром, как видно, саковник-старик Хлопотал здесь долгие годы. Он дружит с природой и прочно постиг Мудренные тайны природы.

Автор, видимо, полагал, что такая аналогия вполне закономерна, — ведь у А. С. Пушкина тоже идет речь о старике, вдохновленном кудеснике, любимце богов. Там же авторы патетически обращаются к Думе, как к «сокровищу».

Среди тридцати четырех впервые описанных книг петровского времени — первый, изданный гражданская книга, изданная при Петре. Авторы «Описания изданий гражданской печати 1708—1725 г.г.» — главный библиотекарь Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина Т. Быков и главный библиотекарь библиотеки Академии наук ССР М. Гуревич-Бибари и впервые описали в этом труде 34 ранее неизвестные книги и 48 указов петровского времени.

Советские библиографы не только расширили представление о количестве книг, вышедших в петровское время, но и в обстоятельных развернутых аннотациях раскрыли содержание этих книг. Они описали книги, хранившиеся в ленинградских и московских библиотеках и архивах, тщательно сличили с предыдущими изданиями с рукою новых авторов, переводчиков, редакторов, граверов, уточнили время и место выхода некоторых изданий, изучили принципы редактирования и наконец, «открыли» новые издания.

Среди тридцати четырех впервые описанных книг петровского времени — первый, изданный гражданская книга, изданная при Петре. Авторы «Описания изданий гражданской печати 1708—1725 г.г.» — главный библиотекарь Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина Т. Быков и главный библиотекарь библиотеки Академии наук ССР М. Гуревич-Бибари и впервые описали в этом труде 34 ранее неизвестные книги и 48 указов петровского времени.

Существуют в современной поэзии и вообще безликие интонации. Вот одна из них, которая перепевается на все лады, не зависимо от того, о чем идет речь: о посыпке уха, пахоте или обмолоте, борьбе с кулачеством или празднике урожая, украинском колхозе или подмосковном.

Ворчущий зале огромной, Вдоль длинного ряда столов Проходит высокий и скромный Гроссмейстер Василий Смыслов.

ТВОРЧЕСКАЯ ТРИБУНА

Проторенным путем

Илья ОКУНЕВ

Пушкин довел до совершенства четырехстопный ямб, начатый его предшественниками. Лермонтов писал уже трехсложными размерами.

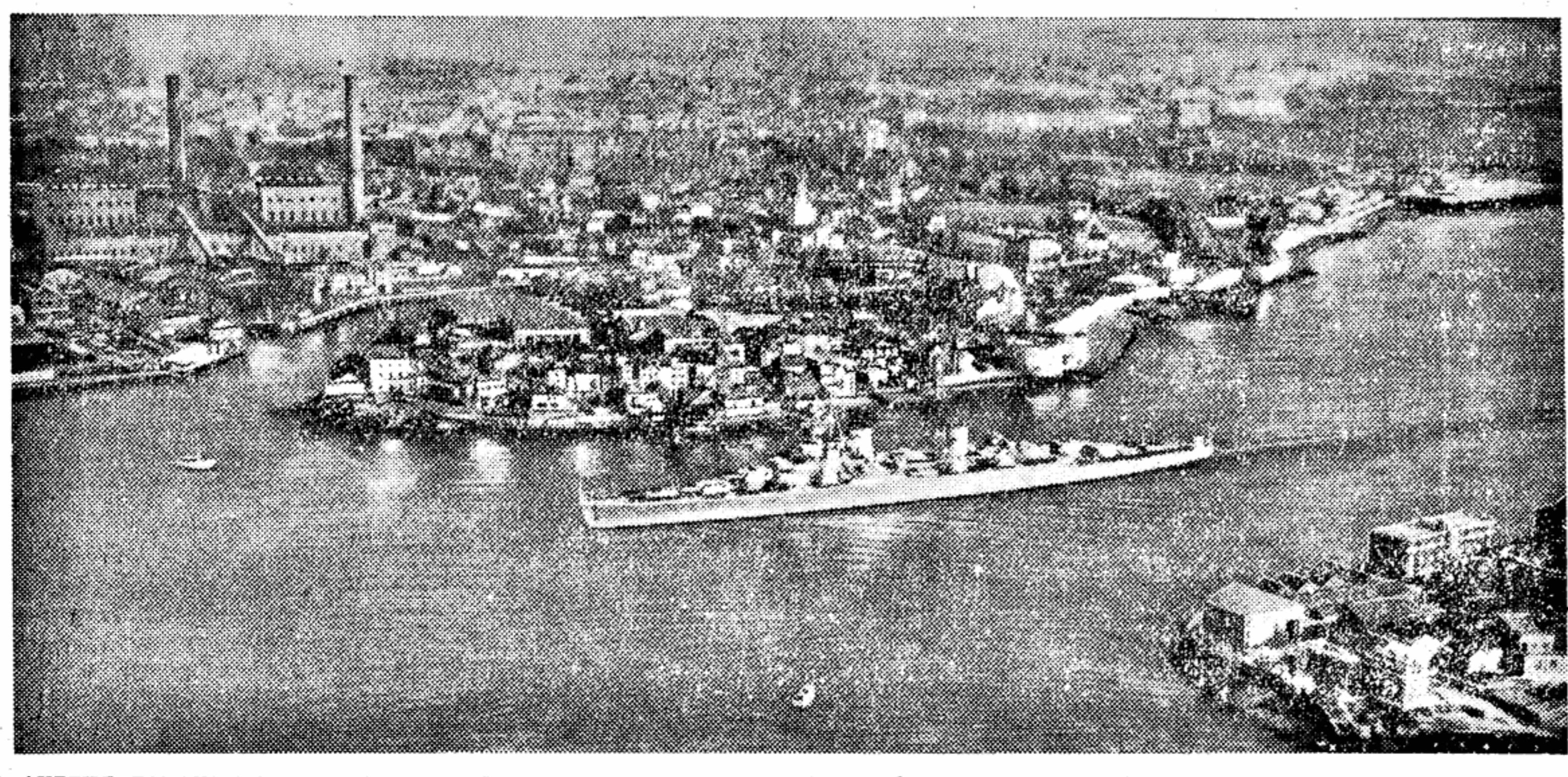
Почти все произведения этого злого ямбического размера написаны лирическими, которые служат наиболее удачными музыкальными выражениями глубокого и могучего чувства. Творчество Некрасова, как известно, совпало с наиболее тяжелым периодом в жизни народа. У Некрасова, певца народного горя, преобладают трехсложные миородные размеры и, главным образом, дактиль и анапест.

А. Блок снова возвращается к эмоциональному, энергичному ямбу, называя его в предисловии к поэме «Волчеди» простейшим выражением ритма того времени, настолько глубокого, тревожного, предвосхищающего грозу... Кому, наконец, не известны слова В. Маяковского: «Вам теперь придется бросить ямб кардинальный. Ницца певши — штык да зубья вяз!» Великий советский поэт считал, что для Блока старым стилем и было нужно новые поэтические средства, соединяющие дух времени. Всем своим творчеством В. Маяковский доказал это.

Как на традиционные и незыблемые размеры в русской поэзии, каждый из них, говоря словами А. Блока, является выражением ритма определенного времени, поскольку многочисленные факты создают единий музикальный строй.

В русской поэзии — пять канонических размеров. Из этого восьмого не следует, что стихотворения разных поэтов, написанные, например, хореем, должны быть похожи друг на друга. Каждая поэтическая форма допускает бесчисленное количество различных оттенков. Подобно тому, как это имеет место в музыке и живописи. Можно взять десятки произведений, написанных одним и тем же стихотворным размером, но каждое из них будет иметь свою интонацию, свой внутренний ритм, свойственный его автору.

Даже у одного поэта один и тот же размер может звучать по-разному. Все пушкинские поэмы, написанные четырехстопным ямбом, различаются и в размере. Каждая поэтическая

АНГЛИЯ. ГАВАНЬ ПОРТСМУТА — ОБЩИЙ ВИД. В этот порт на крейсере «Ордниконник» прибудут Председатель Совета Министров СССР Н. А. Булганин и Член Президиума Верховного Совета СССР Н. С. Хрущев, направляющиеся в Англию по приглашению Правительства Великобритании.

Англия и Советский Союз должны жить в дружбе

В 1945 году, тотчас же после окончания войны, лондонская «Таймс» писала, что основной внешней политики Англии «является союз с Россией, который был необходимым условием победы в войне... Мир в Европе, — подчеркивала газета, — обеспечен, если Англия и Россия, каждая на своем посту, будут стоять на страже и если между ними установятся нерушимое доверие и сотрудничество. Если бы Англия и Россия разошлись, то перспектива была бы мрачной не только для Европы в целом, но и для обеих этих великих держав. Ни Англия, ни Россия, будь они даже склонны к этому, не могут себе позволить, чтобы на короткое время, политику раскола и разногласия, если они не хотят нанести серьезного ущерба своим национальным интересам, а также общим интересам Европы».

Нельзя отказать авторам этих строк в умении трезво оценивать международные проблемы. Разве не звучат эти слова вполне актуально сейчас? И не ясно ли, что тучи не раз слущались над Европой за последние десятилетия потому, что не всегда и не все в Англии придерживались политики, о которой писала «Таймс».

Проблемы внешней политики волнуют англичан в последнее время особенно сильно. В британском парламенте, возбужденном работе поискахальных каникулах, на улицах, в клубах, в домах много говорят о том, по какому пути должна идти Англия дальше. Подводятся итоги, строятся прогнозы...

С чем это связано? В Англии, как и в других западноевропейских странах, все сильнее и опутывает недовольство «атлантической» политикой, усилившей международную напряженность. Широкие круги английской общественности настроены против политики военных блоков и гонки вооружений, они настаивают на сокращении военных расходов.

Английская общественность высказывает за мирное сотрудничество Востока и Запада, за разрешение спорных вопросов путем переговоров. Влиятельная провинциальная газета «Уэстэрн мейл энд Саут энсис» очень точно выразила настроения многих англичан. «В разделенном мире, которому угрожает водородная бомба, речь прежде всего должна идти о мире и шансах на мир. Это величайшая из всех потребностей людей, какой бы приоритет ни был предоставлен этой потребности, он не будет чрезмерным».

Стремясь к миру, англичане возлагают большие надежды на предстоящую встречу в Англии советских и английских государственных деятелей. Интерес к приезду Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева огромен; это событие вытеснило все другие новости с первых полос газет. Люди различных взглядов и политических убеждений призывают английское правительство испытывать пребывание советских гостей в Англии для укрепления сотрудничества между двумя великими державами.

Изюм на день в здание на Даунингстрит, 10, на имя британского премьера Антона Идена приходит множество писем от отдельных граждан и разных политических и общественных организаций. Все эти письма выражают одну мысль: укрепление дружеских отношений между Англией и Советским Союзом — необходимо. Оно отвечает интересам обеих стран и будет служить залогом мира в Европе.

Ведущие буржуазные газеты помещают на своих страницах письма читателей, посыпанные приездом Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева. В консервативной газете «Дейли телеграф энд Моринг» писатель Гриффит пишет, что следует «оказать самое радушное гостеприимство русским руководителям». В газете «Таймс» читатель Кантрилл подчеркивает, что приезд советских гостей будет «важным вкладом в дело мира и доброй воли во всем мире».

Настроения простых людей Англии разделяют многие политические деятели. Об этом можно судить по обстановке, в которой происходят приезды по вопросам внешней политики в британском парламенте. Консервативная газета «Дейли мейл» рассказывает на днях об эпизоде, передающем атмосферу в палате общин накануне приезда Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева. Вот что произошло: консерватор Гарвей выразил в палате общин недовольство престоявшим приездом советских гостей. Антони Иден дал отпор этому выступлению. «Целая буря приветствовала вспышку интереса этого краткий, но решительный ответ на слова против предстоящего приезда, откуда бы она ни исходила».

Совершенно очевидно, что мнение таких людей, как Гарвей, которые не хотят отка-

ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ...

ВЕСТИ С РОДИНЫ

«ЛЕНМОРПЛСТ

«Зерн и популлит» — Албания

Немало меридианов и параллелей пересекло это письмо, прежде чем достигло Тираны. На конверте его — марка далекой Австралии, но написана она по-албански. За этим письмом — люди, которым в прошлом не нашлось места на прекрасной, но ученной чужеземии земле Албании. В поисках хлеба и заработка они эмигрировали из окраин. Теперь туда доходят вести о новой жизни свободного албанского народа. В письме, подписанном Тиафа Пруши, говорится:

«Я, албанский рабочий, живу в Виктории (Австралия), за нескользко сот километров от Мельбурна. Вечерами, когда я возвращаюсь с работы к моим детям, в ушах у меня приятно звучит кудесный язык Нами». Мы всегда очень радуемся, когда узнаем о великих делах в нашей стране... Год назад узнали мы о фильме про первого национального героя Скандербега. За это чудесное творение о нашем маленьком народе, сделавшее его хорошо известным во всем мире, мы навеки будем благодарны Советскому Союзу. С первых дней, когда этот фильм начали показывать в Албании, я говорил себе: «Ах, если бы хотя один раз посмотреть «Скандербега». Никто не верил, что этот фильм дойдет и до самых отдаленных уголков земного шара, в том числе до Австралии».

Автор письма рассказывает о том, как албанцы, разбросанные по всей Австралии за сотни километров, вместе с детьми отправились на войну. Но они помнят и о том, что английская политика накануне второй мировой войны не смогла воспрепятствовать гитлеровской агрессии. Они хотят, чтобы уроки истории были учтены. Справедливое разрешение германского вопроса, обеспечение европейской безопасности — в равной степени в интересах Англии и для Советского Союза.

Сокращение вооружений тесно связано с другими важными проблемами. И прежде всего с германским вопросом. Простые люди Англии не забыли страшных бедствий, которые им причинила война. Но они

помнят и о том, что английская политика накануне второй мировой войны не смогла воспрепятствовать гитлеровской агрессии. Они хотят, чтобы уроки истории были учтены. Справедливое разрешение германского вопроса, обеспечение европейской безопасности — в равной степени в интересах Англии и для Советского Союза.

Надо ли говорить о том, что развитие экономических связей, взаимовыгодная торговля между Англией и Советским Союзом однозначно отвечает интересам английского и советского народов? Все условия для этого есть: нигде в экономической области английские и советские интересы не вступают в непримиримое противоречие, нигде не сталкиваются, не приводят друг другу. Напротив, экономическое сотрудничество между Советским Союзом и Англией могло бы избавить английскую экономику от многих серьезных затруднений. Ведь не секрет, что английские товары оказываются в самом невыгодном положении на европейских рынках из-за конкуренции американских и западногерманских товаров, а торговля Англии со странами Восточной Европы и Азии препятствует эмбарго, введенное Соединенными Штатами Америки.

Американская пропаганда в связи с предстоящим приездом в Англию советских государственных деятелей особенно остро реагирует на всякое упоминание в английской печати о каких бы то ни было разногласиях между партнерами по атлантическому блоку. А упоминаний этих немало. Все чаще слышна критика «атлантической» политики. Английская общественность выражает недовольство американским вмешательством в ближневосточные дела и стремлением американских монополий прибрать к рукам английскую нефть. Резкую критику вызывает в Англии и называемая ей политика эмбарго, наращивающая свободную торговлю.

Несколько месяцев назад в селе Мелетие возник сельскохозяйственный кооператив. В его создании заслуга и молодого агронома. Вместе с членами партии, депутатами местного совета он часто беседовал с крестьянами, выступил в Доме культуры.

Но самого Стана все время не покидала беспокойная мысль. До сих пор не удалось создать даже товарищества по совместной обработке земли в его родном селе Дая. Был один из сел Мелетии, где вспахивали землю с помощью коней.

«Вот уже почти четыре года», — рассказывает на страницах газеты «Мунка» К. Сырбу, — Стан Рэйбонк работает в зоне МТС Беняя. И многие трудовые крестьяне говорят, что именно он помог им собрать хороший урожай.

Несколько месяцев назад в селе Мелетие возник сельскохозяйственный кооператив. В его создании заслуга и молодого агронома. Вместе с членами партии, депутатами местного совета он часто беседовал с крестьянами, выступил в Доме культуры.

Но самого Стана все время не покидала беспокойная мысль. До сих пор не удалось создать даже товарищества по совместной обработке земли в его родном селе Дая. Был один из сел Мелетии, где вспахивали землю с помощью коней.

«Часто, когда агроном заговаривал об этом с односельчанами, они отвечали: «Может, ты и прав, Стан, и мы бы записались. Но ведь твой отец, дядюшка Марин, об этом не думает, а он примерный хозяин».

Эти разговоры еще больше огорчили молодого агронома. Не раз пытался он поговорить с отцом, но старик сердито буркал: «Как жил до сих пор, так буду жить и дальше. Сможе же вырастить вас; ты, например, агрономом стал. А теперь, что выходит: яйца курицу чух!»

Стан не терял надежды. Он понимал, что добьется перевода в настроении крестьян, только когда убедят отца. И, действуя подпольем, ждал удобного случая. В одно из воскресений он предложил отцу прокатиться с ним в село Фрецеши и другом.

«У меня нет дела есть, а ты все равно свободен. Давай сядем». В Фрецеши этот день проходил скопление сельскохозяйственного кооператива. Когда старик увидел, как жил со своим сыном, он начал смеяться.

«Часто, когда агроном заговаривал об этом с односельчанами, они отвечали: «Может, ты и прав, Стан, и мы бы записались. Но ведь твой отец, дядюшка Марин, об этом не думает, а он примерный хозяин».

Эти разговоры еще больше огорчили молодого агронома. Не раз пытался он поговорить с отцом, но старик сердито буркал: «Как жил до сих пор, так буду жить и дальше. Сможе же вырастить вас; ты, например, агрономом стал. А теперь, что выходит: яйца курицу чух!»

Стан не терял надежды. Он понимал, что добьется перевода в настроении крестьян, только когда убедят отца. И, действуя подпольем, ждал удобного случая. В одно из воскресений он предложил отцу прокатиться с ним в село Фрецеши и другом.

«У меня нет дела есть, а ты все равно свободен. Давай сядем». В Фрецеши этот день проходил скопление сельскохозяйственного кооператива. Когда старик увидел, как жил со своим сыном, он начал смеяться.

«Часто, когда агроном заговаривал об этом с односельчанами, они отвечали: «Может, ты и прав, Стан, и мы бы записались. Но ведь твой отец, дядюшка Марин, об этом не думает, а он примерный хозяин».

Эти разговоры еще больше огорчили молодого агронома. Не раз пытался он поговорить с отцом, но старик сердито буркал: «Как жил до сих пор, так буду жить и дальше. Сможе же вырастить вас; ты, например, агрономом стал. А теперь, что выходит: яйца курицу чух!»

Стан не терял надежды. Он понимал, что добьется перевода в настроении крестьян, только когда убедят отца. И, действуя подпольем, ждал удобного случая. В одно из воскресений он предложил отцу прокатиться с ним в село Фрецеши и другом.

«У меня нет дела есть, а ты все равно свободен. Давай сядем». В Фрецеши этот день проходил скопление сельскохозяйственного кооператива. Когда старик увидел, как жил со своим сыном, он начал смеяться.

«Часто, когда агроном заговаривал об этом с односельчанами, они отвечали: «Может, ты и прав, Стан, и мы бы записались. Но ведь твой отец, дядюшка Марин, об этом не думает, а он примерный хозяин».

Эти разговоры еще больше огорчили молодого агронома. Не раз пытался он поговорить с отцом, но старик сердито буркал: «Как жил до сих пор, так буду жить и дальше. Сможе же вырастить вас; ты, например, агрономом стал. А теперь, что выходит: яйца курицу чух!»

Стан не терял надежды. Он понимал, что добьется перевода в настроении крестьян, только когда убедят отца. И, действуя подпольем, ждал удобного случая. В одно из воскресений он предложил отцу прокатиться с ним в село Фрецеши и другом.

«У меня нет дела есть, а ты все равно свободен. Давай сядем». В Фрецеши этот день проходил скопление сельскохозяйственного кооператива. Когда старик увидел, как жил со своим сыном, он начал смеяться.

«Часто, когда агроном заговаривал об этом с односельчанами, они отвечали: «Может, ты и прав, Стан, и мы бы записались. Но ведь твой отец, дядюшка Марин, об этом не думает, а он примерный хозяин».

Эти разговоры еще больше огорчили молодого агронома. Не раз пытался он поговорить с отцом, но старик сердито буркал: «Как жил до сих пор, так буду жить и дальше. Сможе же вырастить вас; ты, например, агрономом стал. А теперь, что выходит: яйца курицу чух!»

Стан не терял надежды. Он понимал, что добьется перевода в настроении крестьян, только когда убедят отца. И, действуя подпольем, ждал удобного случая. В одно из воскресений он предложил отцу прокатиться с ним в село Фрецеши и другом.

«У меня нет дела есть, а ты все равно свободен. Давай сядем». В Фрецеши этот день проходил скопление сельскохозяйственного кооператива. Когда старик увидел, как жил со своим сыном, он начал смеяться.

«Часто, когда агроном заговаривал об этом с односельчанами, они отвечали: «Может, ты и прав, Стан, и мы бы записались. Но ведь твой отец, дядюшка Марин, об этом не думает, а он примерный хозяин».

Эти разговоры еще больше огорчили молодого агронома. Не раз пытался он поговорить с отцом, но старик сердито буркал: «Как жил до сих пор, так буду жить и дальше. Сможе же вырастить вас; ты, например, агрономом стал. А теперь, что выходит: яйца курицу чух!»

Стан не терял надежды. Он понимал, что добьется перевода в настроении крестьян, только когда убедят отца. И, действуя подпольем, ждал удобного случая. В одно из воскресений он предложил отцу прокатиться с ним в село Фрецеши и другом.

«У меня нет дела есть, а ты все равно свободен. Давай сядем». В Фрецеши этот день проходил скопление сельскохозяйственного кооператива. Когда старик увидел, как жил со своим сыном, он начал смеяться.

«Часто, когда агроном заговаривал об этом с односельчанами, они отвечали: «Может, ты и прав, Стан, и мы бы записались. Но ведь твой отец, дядюшка Марин, об этом не думает, а он примерный хозяин».

Эти разговоры еще больше огорчили молодого агронома. Не раз пытался он поговорить с отцом, но старик сердито буркал: «Как жил до сих пор, так буду жить и дальше. Сможе же вырастить вас; ты, например, агрономом стал. А теперь, что выходит: яйца курицу чух!»

Стан не терял надежды. Он понимал, что добьется перевода в настроении крестьян, только когда убедят отца. И, действуя подпольем, ждал удобного случая. В одно из воскресений он предложил отцу прокатиться с ним в село Фрецеши и другом.

«У меня нет дела есть, а ты все равно свободен. Давай сядем». В Фрецеши этот день проходил скопление сельскохозяйственного кооператива. Когда старик увидел, как жил со своим сыном, он начал смеяться.

«Часто, когда агроном заговаривал об этом с односельчанами, они отвечали: «Может, ты и прав, Стан, и мы бы записались. Но ведь твой отец, дядюшка Марин, об этом не думает, а он примерный хозяин».

Эти разговоры еще больше огорчили молодого агронома. Не раз пытался он поговорить с отцом, но старик сердито буркал: «Как жил до сих пор, так буду жить и дальше. Сможе же вырастить вас; ты, например, агрономом стал. А теперь, что выходит: яйца курицу чух!»

Стан не терял надежды. Он понимал, что добьется перевода в настроении крестьян, только когда убедят отца. И, действуя подпольем, ждал удобного случая. В одно из воскресений он предложил отцу прокатиться с ним в село Фрецеши и другом.